

поддержке государства обеспечить себе победу над конкурентами из Европейской России. Вместе с тем они, возможно и неосознанно, способствовали формированию концепта «урало-сибирский тыл» Российского государства, который в нашем понимании может трактоваться как некий замысел, отражающийся в идеях и планах, рано или поздно реализующихся на практике в силу своей объективной необходимости и закономерности.

Наш вывод о том, что складывающаяся в годы войны обстановка объединила интересы предпринимательства и государства в стремлении к экономическому и военно-стратегическому усилению тыловых районов России, может быть подтвержден и другим источником, имеющим уже чисто сибирское происхождение. По инициативе Томского губернского военно-промышленного комитета в 1916 г. в Томске была издана брошюра биржевого общества «К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири», где изложены взгляды томских предпринимателей на развитие промышленности в Сибири. В ней говорилось, что огромные сырьевые ресурсы Западной Сибири позволяют развивать в ней горнозаводскую промышленность, особенно в Кузбассе и на Алтае, а также разностороннюю обработку древесины, текстильное производство, кожевенное дело и пищевую отрасль промышленности. Далее отмечалось, что в связи с эвакуацией по военным обстоятельствам ряда промышленных предприятий из западных районов России государственным органам следует подумать о создании в Сибири «собственной обрабатывающей промышленности». В четырехугольнике Томск–Кузнецк–Семипалатинск–Новониколаевск, расположенном в самом центре государства, можно создать «новый центр для всего русского народного хозяйства» [8, с. 38–39].

Изложенные выше идеи были реализованы уже в советский период в результате выполнения индустриальных планов первых пятилеток. Тем не менее события мирового и российского масштаба, происходившие в конце XIX–начале XX вв., подготовили возникновение и сущностное наполнение концепта «сибирский тыл», получившего затем дальнейшее развитие и практическое воплощение. В СССР сибирский тыл становится органичной частью военно-оборонного потенциала страны, постепенно наращивая свой вклад в обеспечение Российскому государству статуса великой державы, которая на протяжении всего советского периода поддерживала достаточно высокий уровень обороноспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. // Полис. 1995. №4. С. 162–169.
2. Труды Совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск. 1907. Т.1. 240 с.
3. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М.: Наука. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. 647 с.
4. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск, 2007. 288 с.
5. Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX–начале XX веков / Препринт доклада. Новосибирск, 1989. 25 с.
6. План развития железных дорог Сибири в 1917–1922 гг. Пг., 1917. 61 с.
7. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского севера-востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. 356 с.
8. К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири. Томск, 1916.

*Статья поступила
в редакцию 01.04.2014*

УДК 94 (470.5)“1914/19”

О.С. ПОРШНЕВА

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (1914 – февраль 1917 г.)

д-р ист. наук, профессор,
Уральский федеральный университет (УрФУ),
г. Екатеринбург
e-mail: porshneva@yandex.ru

Статья посвящена проблемам взаимоотношений власти и общества в России в условиях общенациональной мобилизации 1914 – февраля 1917 гг. Термин «общенациональная мобилизация» используется в широком смысле, означающем участие общества в военных усилиях государства. Дана характеристика патриотической консолидации населения в начальный период войны, общественных настроений по отношению к войне и специфики их проявления в различных социальных слоях. Показаны способы духовной мобилизации общества, характер патриотической пропаганды. Проанализированы становление и развитие сотрудничества власти и общества, его основные формы, появление сферы «самоорганизации»: самоорганизации и гражданской активности населения. В статье приведена оценка деятельнос-

ти Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов, государственно-общественных организаций, благотворительных обществ, направленной на мобилизацию тыла для нужд фронта и на решение социальных проблем военного времени. Обосновано значение появления общественных объединений всероссийского масштаба, возникновения новых направлений в деятельности сложившихся общественных организаций, расширения сферы гражданской деятельности. Обозначены факторы и проявления эволюции отношений власти и общества, определившие кризис национальной мобилизации в военных условиях. Показана роль «великого отступления» русской армии 1915 г. в расширении участия общественности в процессах мобилизации тыла и нарастании противоречий в правящих верхах, отношениях власти и общества. Прослежены проявления политического кризиса, политизации общественной жизни, конфронтации в отношениях власти и общественности, неэффективности системы государственного управления, роста социально-экономических трудностей, дискредитации власти и имущих верхов в глазах масс, обусловившие судьбу проекта национальной мобилизации в России.

Ключевые слова: Первая мировая война, власть, российское общество, национальная мобилизация, сотрудничество, гражданская деятельность, кризис, конфронтация.

Достижением современной историографии стал сравнительный анализ практик национальных мобилизаций в европейских странах [1], позволяющий выявить общее и особенное в реализации российского варианта. Специфика политического, экономического и социокультурного развития России обусловила слабость официальной «патриотической» пропаганды и идейно-психологической подготовки к войне в предшествующие ей годы. Это было вызвано рядом причин: опасениями в неадекватном восприятии низами антинемецкой агитации, способной спровоцировать социальный взрыв; недостаточной готовностью страны к войне в силу запаздывания в реализации военно-технических преобразований, незавершенности реформ; предвидением возможных трагических последствий неудачной войны; германофильскими настроениями части правящей российской элиты.

Разработка идейного обоснования участия России в войне с германским блоком началась после вступления страны в конфликт 19 июля 1914 г. и велась, как и в других странах, с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Николай II в высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян» [2, с. 1].

Идея единения во имя мобилизации всех сил страны для борьбы с внешним врагом, провозглашенная Государственной думой на чрезвычайной сессии 26 июля 1914 г. [3, с. 3], получила в начале войны поддержку большинства населения в столицах и провинции. Значительная его часть воспринимала эту идею как единение царя со своим народом, активно ее поддерживая [4, с. 73–98].

Патриотические и религиозные настроения проявились в массовых манифестациях и молебнах о даровании победы, проходивших в июле–начале августа 1914 г. в городах, рабочих поселках, селах России¹ [5,

с. 73]. Антивоенных стачек рабочих ни в столице, ни в провинции в связи с началом войны не было, лишь в Петербурге были отмечены три кратковременные уличные демонстрации антивоенного характера [6, с. 437].

Религиозный подъем, жертвенность, преодоление эгоизма во имя общих интересов были одними из проявлений духовной атмосферы начала войны во всех европейских странах. Общий энтузиазм первых дней войны отражал распространенные иллюзии освобождения от классового эгоизма, сословных привилегий и различий [7, с. 547]. Поведенческими измерениями «настроения 1914 г.» в России были участие в мобилизации, добровольческом, благотворительном движении в столицах и провинции [8, с. 185–200].

Практически вся легальная пресса в годы войны (856 наименований с разовым тиражом 2,7 млн экз.), включая и издания левого (умеренно-социалистического и либерального) направления, пропагандировала патриотизм разных идейных оттенков [9, с. 74]. Концепция справедливой освободительной войны разрабатывалась и транслировалась всеми средствами пропаганды, тиражировалась в газетах, журналах, специальных популярных брошюрах и альманахах, в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъяснялась с амвонов церковью.

Критические, пацифистские настроения, неприятие официальной пропаганды проявлялись главным образом в среде интеллигенции [10, с. 22–24; 11, с. 75; 12, с. 181]. Открытое проявление критических взглядов затруднялось не только в связи с вступившими с началом войны цензурными ограничениями², но и доминирующими эмоциями и общественными настроениями. Вместе с тем сами концепции патриотизма, проявлявшиеся в культурных практиках населения, были гетерогенны и динамичны [13, с. 393].

Среди общинного крестьянства преобладал традиционный патриотизм, ориентированный на государство и/или регион, что отражало неразвитость национальных форм самосознания в этой социальной среде. Рабочие и крестьяне России, как и некоторых других европейских стран «второго эшелона» модернизации или их регионов [14; 15; 7, с. 531], не склон-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. 4 Д-во. Оп. 123. Д. 14 ч. 7. Л. 17; Д. 73. ч. 7. Л. 16; Д. 90. ч. 7. Л. 16; Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1, 3, 4, 25, 49, 64, 68, 221, 224;

Московские ведомости. 1914. 18 (31) июля; Зауральский край. 1914. 19, 20 июля.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 26.

ны были отождествлять свои интересы с интересами образованных и имущих «верхов», а крестьяне – с интересами горожан и жителей других местностей. Однако в начале войны социальные конфликты были «заморожены», и мобилизация в целом прошла успешно: 96 % подлежащих призыву явились на мобилизационные комиссии. Если до объявления общей мобилизации численность вооруженных сил России составляла 1 423 000 чел., то после ее проведения и дополнительных призывов к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн чел.³, причем около 75 % всех призванных в армию уже в первую неделю мобилизации составляли крестьяне [16, с.13]. В дальнейшем доля крестьян еще более возросла: из 15,8 млн мобилизованных в русскую армию к осени 1917 г. свыше 12,8 млн были призваны из деревни⁴.

Крестьяне и большинство рабочих относились к войне как к року, ниспосланному Богом испытанию, стихийному бедствию, с которым невозможно бороться. Господствовавшая авторитарно-патриархальная политическая культура обусловила актуализацию в народном сознании формулы «За Веру, Царя и Отечество», являясь основой архетипа восприятия службы и традиционного поведения новобранцев. Мобилизация ознаменовалась волнениями запасных нижних чинов, принявшими характер стихийных погромов казенных винных лавок, магазинов, складов, помещичьих имений⁵. Эти волнения имели место в 49 из 101 губернии, области и округа России [16, с.14], были спровоцированы введением сухого закона, нарушавшего традиционный ритуал проводов новобранцев в армию. В некоторых случаях в них звучали социальные мотивы, отражавшие остроту аграрного и рабочего вопросов.

Уже в первые недели войны выявилась насущная необходимость сотрудничества власти и общества в решении задач военного времени. Это объяснялось и непредвиденными масштабами военных действий, и неспособностью правительства в одиночку руководить сложным делом мобилизации национальных ресурсов, наладить снабжение армии и нормальное функционирование фронта и тыла. В обстановке патриотического подъема в начале войны возник ряд общественных организаций, призванных помогать правительству, армии и населению в военных условиях. Наиболее влиятельными из них стали всероссийские Земский и Городской союзы.

30 июля 1914 г. в Москве на съезде представителей земств был образован Всероссийский земский союз (ВЗС). В его состав вошла 41 земская губерния (за исключением Курского губернского земства) и область войска Донского, вошедшего в союз по специальному предписанию Военного министерства. 12 августа 1914 г. император утвердил существование и

узаконил деятельность союза. После этого министр внутренних дел Н. Маклаков разослал особый циркуляр всем губернаторам с предложением сотрудничать в общем деле⁶.

Сначала компетенция ВЗС, оставалась незакрепленной, однако в законодательном порядке включала оказание помощи больным и раненым воинам в тылу. Высшая власть, санкционируя создание влиятельных общественных организаций, исходила из серьезности положения, изменившихся настроений и взаимоотношений с обществом, а также из представления о кратковременности войны, при этом возникшие учреждения рассматривались как временные. Уже через несколько недель сфера деятельности союзов начала неуклонно расширяться, распространившись на фронтную территорию и охватив разнообразные направления работы в решении острых проблем фронта и тыла. Важную роль в этом сыграла позиция военного руководства, расходившаяся с установками Николая II и большинства членов правительства. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, представители Ставки доверяли Земскому и Городскому союзам заказы на реализацию целого ряда мер по оказанию помощи действующей армии.

4 августа 1914 г. в Москве практически одновременно с ВЗС была образована другая общественная организация – Всероссийский союз городов (ВСГ)⁷. В сферу его деятельности входила организация врачебно-санитарных мероприятий, а затем – кредитных, торгово-промышленных, просветительных и других учреждений, востребованных военным временем. Комитеты союза городов, ведавшие делами помощи раненым и больным воинам, пользовались символикой и правами учреждений Красного Креста. Однако Городской союз сохранял в отношении Российского Общества Красного Креста полную самостоятельность в финансовых и внутренних вопросах [17, с. 9–13]. Основопологающей мотивацией земской и либеральной общественности при создании союзов стали представления о необходимости объединения усилий власти и общества, всех слоев населения во имя создания «мирной армии» в тылу, единого национального фронта [18, с. 199–200]. Другими побудительными мотивами были стремление повысить статус земского и городского самоуправления, роль буржуазно-либеральной общественности в управлении страной, решении государственных задач.

С первых дней своего существования союзы развернули многоплановую практическую работу, главным направлением которой стала помощь больным и раненым воинам. Уже через три месяца ВЗС подготовил госпиталей и лазаретов на 155 тыс. коек, при

³ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 18.

⁴ Там же. С. 4, 49.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. Оп. 123. 1914. Д. 138. Л. 25–129; Д. 138. Ч. 50. Л. 8–11, 19, 28, 29.

⁶ Особый циркуляр МВД № 37 от 16 августа 1914 г. по Высочайшему повелению о разрешении деятельности ВЗС // Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам // Известия Главного комитета. 1914. № 1. С. 11–12.

⁷ Особый циркуляр МВД по Высочайшему повелению № 8678 от 24 августа 1914 г. о разрешении деятельности ВСГ // Известия ВСГ. 1914. № 2. С. 58–59.

этом часть из них – на 32 тыс. коек – располагались в районах военных действий, свыше 100 питательных пунктов, а к 1 января 1916 г. госпитали, созданные на средства ВЗС, насчитывали 173 тыс. коек. [19, с. 242] ВЗС и ВСГ, как и многие другие общественные организации, стали центрами общественной самостоятельности, средоточием гражданской инициативы. Под их руководством на местах действовали многочисленные добровольные общественные объединения, такие как Комитеты служащих земств, Попечительские комитеты при лазаретах, Дамские кружки и др.

Необычайных масштабов достигла благотворительная деятельность, опиравшаяся на богатый опыт дореволюционной благотворительности. В экстремальных условиях военного времени резко возросли численность и спектр социальных категорий нуждающихся: это были прежде всего раненые, больные и увечные воины, солдатские семьи, беженцы и беспризорные дети [20, с. 319]. В годы войны возникли многочисленные новые благотворительные организации как универсального характера, так и специализированные [21, с. 10]. Значительная часть средств собиралась во время общественных мероприятий – благотворительных концертов, лотерей, лекций, чтений, вечеров, выставок, базаров. Широкое распространение в первый год войны получили пожертвования хлеба или денежных средств из запасов сельских обществ на нужды армии и устройство лазаретов. На пожертвования создавались общественные лазареты, столовые, ясли-приюты, детские площадки, солдаткам выплачивался дополнительный к казенному паек.

Сфера благотворительности не была свободна от недостатков, присущих многим сторонам процесса национальной мобилизации в российских условиях: бессистемности, отсутствия координации действий отдельных ее элементов, нерационального и порой расточительного расходования средств, хищений, должностных злоупотреблений. Щедрое субсидирование государством общественных организаций не исключало финансовых трудностей в реализации ими своих задач. Это было связано с растущими затратами на обслуживание фронта и тыла, решением многочисленных социальных проблем, инфляцией, дороговизной, скудостью местных бюджетов, низким уровнем жизни населения.

Поражения русской армии весной–летом 1915 г. – «великое отступление» – наглядно продемонстрировало крупные просчеты в подготовке страны к войне, организации снабжения армии оружием, боеприпасами и обмундированием, последствия несогласованности и некомпетентности действий военных и гражданских властей. Армия оказалась без необходимой артиллерии, снарядов, не хватало винтовок, патронов, сапог. Кризис военно-технического снабжения, обнаружившийся к концу 1914 г., достиг своего апогея в начале 1915 г., когда потребности армии в боевом снабжении удовлетворялись в среднем на 15–30 % [22, с. 9].

Трагедия отступления, сопровождавшегося тяжелыми потерями, эхом отозвалась в стране, дав импульс

развитию политического кризиса. Либеральная оппозиция возобновила свое противостояние с правительством, координируя его с помощью созданного в августе 1915 г. в Государственной думе Прогрессивного блока. Предписание Ставки военной цензуре ограничиться наблюдением за сохранением военной тайны открыло широкий простор для критики правительства в газетах [23, с. 17]. Со страниц печати, трибун органов местного самоуправления и общественных организаций, Думы звучали призывы к привлечению «всех живых общественных сил» к делу обороны страны, мобилизации тыла для нужд фронта, завуалированные и прямые требования создания «министерства общественного доверия» или «ответственного перед Думой правительства».

Под напором ситуации царь согласился привлечь к руководству делом обороны представителей буржуазии и либеральной общественности, санкционировав создание Особого совещания по государственной обороне, военно-промышленных комитетов (ВПК), объединенного комитета Земского и Городского союзов – «Главного по снабжению армии комитета» (Земгора). Непосредственным виновником катастрофы в общественном мнении предстал военный министр В.А. Сухомятин, отстраненный в июне 1915 г. от должности, преданный суду и осужденный к тому же за «государственную измену». По делу жандармского полковника С.Н. Мясоедова были уличены в шпионаже в пользу Германии и привлечены к суду почти два десятка должностных лиц и предпринимателей, носивших немецкие фамилии, о чем можно было прочитать в газетах. Это порождало впечатление, что предательство и измена свили гнездо повсюду и, прежде всего, во властных верхах, и это вызывало самые невероятные и страшные слухи [24, с. 105–107], подрывая доверие к правящей монархии.

Военно-промышленные комитеты, созданные по инициативе российских предпринимателей в мае 1915 г., характеризовались широким общественным представительством. В них входили деятели торговли и промышленности, кооперации, общественных организаций, правительственных учреждений, научно-технических организаций (ученые, инженеры, техники), а также юристы, врачи, учителя [25, с. 26–27]. Осенью 1915 г. по инициативе А.И. Коновалова при ВПК были созданы рабочие группы с целью поддержания гражданского мира, обеспечения социального партнерства рабочих и буржуазии в деле мобилизации промышленности. В целом ВПК, возглавив общественную промышленную мобилизацию, обеспечили более $\frac{1}{10}$ части всех военных поставок в действующую армию, исполнив 11 % военных заказов. Они привлекли к обслуживанию армии около 1300 средних и мелких промышленных предприятий, создали 120 собственных заводов и мастерских. К середине 1916 г. кризис военно-технического снабжения армии в целом был преодолен, в чем немалая заслуга принадлежала ВПК [25, с. 113]. В 1916 г. было образовано 239 местных комитетов, объединенных в 33 областных. К февралю

1917 г. из общего числа 240 ВПК в 58 были созданы рабочие группы.

В условиях развития в стране политического кризиса ВПК стали частью оппозиционных правительству сил, их члены разделяли платформу Прогрессивного блока, требования либеральных реформ. Со своей стороны, правительственные верхи, бюрократия ревностно относились к ВПК, а их буржуазных лидеров воспринимали как конкурентов, вторгающихся в сферу компетенции государственной власти. В то время как эпицентром политической деятельности комитетов был ЦВПК, провинциальные ВПК в своем большинстве были заняты каждодневным решением хозяйственно-экономических проблем.

Для решения наиболее острых проблем, от которых зависело эффективное функционирование военной экономики, в августе 1915 г. были созданы, помимо Особого совещания по обороне, целый ряд Особых совещаний: по топливу, продовольствию, перевозкам, устройству беженцев. В их состав входили правительственные чиновники, члены Государственного совета и думы, предприниматели, представители общественных организаций. На местах создавались местные органы Особого совещания по обороне – заводские совещания, по одному на несколько губерний. В них входили представители министерств, местных военно-промышленных комитетов, предпринимателей, земского и городского союзов. Своих уполномоченных и комитеты на местах имели и другие Особые совещания, также включавшие представителей государственных и общественных структур [26, с. 297–298].

Решением социально-экономических проблем занимались также органы самоуправления на местах, общественные организации. Так, для преодоления продовольственного кризиса потребовались не только экстренные меры правительства, но и вмешательство органов местного самоуправления. Земства и города, в частности, получили право заготовки и продажи хлеба по твердым ценам. Общая сумма закупок хлебных продуктов городами за дореволюционный период войны достигла 10,5 млн пудов, что составляло 77,3 % всех продовольственных закупок городов. Что касается земств, то закупочными операциями хлебов занимались 157 уездных земств. В середине 1916 г. по инициативе Союза городов был создан Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу. В его состав вошли представители Союзов земств и городов, ВПК, съезда делегатов биржевой торговли и сельского хозяйства, Всероссийской сельскохозяйственной палаты и других организаций [19, с. 277]. Однако земства не смогли результативно провести хлебозаготовки из-за финансовых трудностей, недоверия к земским заготовителям со стороны крестьянства, местного использования земствами железных дорог⁸ [19, с. 273–280; 27, с. 146].

⁸ ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Д-во Оп. 125 1916 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 1; Д. 15. Ч. 3. Л. 4, 8; Д. 50. Ч. 3. Л. 19, 23; ГАПО Ф. 65 Оп. 1 Д. 333. Л. 252, 280, 296, 297, 298; Д. 334. Л. 8, 11, 26; Д. 1040. Л. 4

Важной характеристикой состояния власти стал развивавшийся с самого начала войны кризис системы управления, снижавший эффективность как правительственных, так и общественных усилий в деле мобилизации тыла на нужды фронта [23, с. 9–27]. Одновременно с сотрудничеством власти и общества в деле национальной мобилизации с середины 1915 г. стала проявляться конфронтация между основными участниками этого процесса. Роковой «развилкой» во взаимоотношениях либеральных кругов и императора, поворотным пунктом в настроениях широких общественных кругов стал отказ Николая II выслушать представителей земств и городов, собравшихся на свои съезды в сентябре 1915 г. Съезды приняли резолюции с требованиями политических реформ в ответ на роспуск Думы и в связи с военными неудачами и неурядицами в тылу [28, с. 19–24; 29, с. 82–85].

После этого отношение власти к союзам изменилось, значительно усилился контроль, практиковались разнообразные полицейские запреты и ограничения их деятельности. Николай II и консервативно настроенные министры исходили из идеи неизменности основных законов 1906 г., закреплявших дуалистическую монархию, а также из убеждения в опасности политической дестабилизации во время войны, импульсом к которой могут стать реформы политического строя. Апофеозом конфронтации между властью и обществом стал циркуляр министра внутренних дел А.Д. Протопопова от 11 января 1917 г., предписывавший губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания [28, с. 28]. Вместе с тем конфронтация либерально-демократических кругов и правительства, нараставшая в 1916 г. и обострившаяся в конце 1916 – начале 1917 гг.⁹, была сопряжена с опасениями либералов вызвать революцию, которая сметет с исторической арены не только царский режим, но и все цензовые элементы страны [30].

Таким образом, в России в годы Первой мировой войны мобилизация национальных ресурсов происходила в качественно новых условиях. Российское общество вышло на новый уровень самоорганизации, появились общественные объединения всероссийского масштаба, координирующие работу местных учреждений, возникли новые направления в деятельности сложившихся общественных организаций, расширилась сфера их компетенции и в целом сфера гражданской деятельности. Органы общественного самоуправления смогли институализировать и развивать общественную инициативу. В то же время успех в решении сложных задач национальной мобилиза-

⁹ Власть, в частности, не допустили созыва в декабре 1916 г. съездов ВЗС и ВСГ, а те, проведя заседания явочным порядком, приняли антиправительственные резолюции; 3-й съезд ВПК в декабре 1916 г. из-за полицейского давления был прекращен, в январе 1917 г. арестованы члены Рабочей группы ЦВПК.

ции был невозможен без высокой эффективности государственного управления, тесного сотрудничества и взаимного доверия власти и общества, легитимности власти в глазах широких слоев населения. Этих условий в России в ходе войны не сложилось. На третьем году мирового конфликта власть в глазах широких масс народа оказалась в большой степени дискредитированной, для большинства населения приоритетными стали социальные, а не национальные или государственные задачи. Власть и общество прошли путь от единения и сотрудничества к конфронтации, завершившейся свержением монархии и ликвидацией традиционной российской государственности в ходе Февральской революции 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / ed. by John Horne. Cambridge, 1997.
2. Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914.
3. Государственная дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г.: стеногр. отчет. СПб., 1914.
4. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
5. Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
6. Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 432–446.
7. Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк.
8. Поршнева О.С. Настроение 1914 г. в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–200.
9. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917: краткий очерк. М., 1971. 88 с.
10. Гиппиус З. Синяя книга // Петербургские дневники, 1914–1919. Нью-Йорк; М., 1990.
11. Степун Ф.А. (Н. Лунгин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
12. Волошин М.А. Франция и война // Волошин М.А. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991.
13. Ян Х. Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. стат. Челябинск, 2007. С. 387–395.
14. Corner P., Procacci G. The Italian experience of «total» mobilization 1915–1920 // State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / ed. by John Horne. Cambridge, 1997. P. 223–240.
15. Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford; N. Y., 2007.
16. Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 3–43.
17. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации союза. М., 1917.
18. Воззвание Земского союза // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг.: сб. док. М., 2000.
19. Судацов Н.Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1964–1918: в 2 кн. М., 2005. Кн. 2: 1905–1918. С. 237–316.
20. Булгакова Л.А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 313–323.
21. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
22. История Первой мировой войны: в 2 т. М., 1975. Т. 2.
23. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 7–37.
24. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
25. Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996.
26. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
27. Маузоуто К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001. С. 144–197.
28. Куликов С.В. Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 17–67.
29. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): аналитический обзор. М., 2003.
30. Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции, октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг. М., 2000. С. 247–280.

Статья поступила
в редакцию 23.03.2014